

Грядущему

ПРОЛОГ

Накануне вечером на сцену одного парижского театра вышел человек и начал говорить о своем отце, художнике. Он рассказал, что после того, как тот написал за многие годы десятки и десятки самых разных картин, однажды он начал рисовать капли воды. Круглые капли, овальные капли, капли неправильных форм. Прозрачные, светящиеся. Одинаковые и в то же время совершенно разные. Капли. Только капли. Ничего, кроме капель. Тысячи капель.

До самой своей смерти он ничего другого больше не писал. Рисовал дождь. Когда сын спросил отца об этой навязчивой идее, тот ответил, что ему просто нравится рисовать капли.

Но за несколько дней до своей смерти он признался, что лишь вода могла омыть трагедии, случившиеся в его жизни.

Бабушка Алекс умерла две недели назад, и в тот день шел сильный дождь.

В последние перед смертью дни людей часто тянет на откровения.

АЛЕКСАНДРА

Понедельник, 1 июля 2013

Алекс живет в студии площадью 15 квадратных метров недалеко от вокзала Монпарнас, на шестом этаже многоквартирного дома, в 14-м округе Парижа. Она не знает почему, но близость места, откуда отправляются и куда прибывают поезда, успокаивает ее. Конечно, мысль о том, что можно сбежать в любой момент, довольно банальна. Куда? Она не имеет ни малейшего представления. Но разве не все побеги совершаются в места, о которых мы не знаем заранее?

Из своего единственного окна она видит рельсы — тропинки, с которых невозможно свернуть. Поезда отправляются и уносят с собой множество разных судеб, которые тем не менее движутся в одном направлении. Иногда она пересекает бульвар, проскальзывает на вокзал и садится в одном из кафе с видом на платформы. Оттуда она наблюдает, как пассажиры в спешке выходят из вагонов, тянут за собой чемоданы с непослушными колесиками, внезапно останавливаются, как будто на этой планете нет девяти миллиардов человек, которые могут в них врезаться. Алекс смотрит на людей и пытается подобрать для них роли в зависимости от времени года, расписания

поездов, на которых они прибыли или куда-то отправляются. Потягивая кофе, она придумывает их истории. Истории тех, кого ждут, и тех, кто сам уже ничего не ждет. Тех, кто счастлив, и тех, кто не очень.

Именно этим она и собиралась заняться в то утро — прикоснуться к пульсу потока, который движется вперед в обществе, где большинство людей не знает, куда они идут. Но ровно в тот момент, когда она собиралась выйти из своей студии, зазвонил телефон. Номер неизвестный, и она не стала бы отвечать, если бы ее палец случайно не скользнул по кнопке «Снять трубку», когда она кла-
ла телефон в карман.

— Алло? Алло? — повторяет мужской голос откуда-то изнутри брюк.

Она достает мобильный и подносит его к уху.

— Да? Кто говорит?

— Добрый день, мадемуаз..., я Гийом Галь..., нотариус из Кана. Вы... дочь господина Дюр...?

— Подождите, в моей квартире очень плохой сигнал. Дайте мне минуту.

Перепрыгивая через ступеньки, она сбегает вниз по лестнице и выходит на улицу.

— Простите, я слушаю.

— Я звоню по поводу вашего отца, месье Дюрана. Вы его дочь?

— Да... верно.

— К сожалению, у меня для вас плохие новости: ваш отец скончался. Мне очень жаль... Вы меня слышите?

— Да.

— Он умер десять дней назад, и я занимаюсь формальностями, связанными с его наследством...

— Вы уверены, что речь идет о моем отце? — перебивает она его.

— Вероятность ошибки довольно мала, мадемуазель. Я работаю с экспертом по генетической генеалогии, который проводил исследования, чтобы найти вас. Это заняло у нас некоторое время: похоже, вы были не слишком близки с вашим отцом. Возможно, вам понадобится несколько дней, чтобы осознать эту новость. Может быть, вы перезвоните мне по этому номеру, когда будете готовы? Ваш отец не оставил завещания, так что нам необходимо будет оформить вступление в наследство по закону. Как прямой потомок вы имеете на это право.

— Э-э-э... да, хорошо.

— Хочу, чтобы вы знали, что я всецело к вашим услугам. Я пришлю вам необходимые документы, и мы сможем назначить встречу в моем офисе в удобное для вас время.

Он продолжает говорить, но мозг Алекс больше не воспринимает информацию. Когда он наконец вешает трубку, она еще несколько секунд прижимает телефон к уху.

Мужчина только что сообщил ей о смерти ее отца.

Но ее отец... умер семнадцать лет назад.

НИКОЛЬ

Октябрь 1973

Когда Николь впервые увидела Марка, она смотрела на Жака.

Она сидела на террасе кафе с Маризой, девушкой, с которой познакомилась два года назад, в начале обучения на курсах секретарей. С тех пор они подружились и часто встречались после занятий или на деревенских танцах.

В тот вечер Мариза решила надеть мини-юбку, а Николь ограничилась платьем в горошек, которое доходило ей до колен. Теперь она об этом жалела. Она жалела, что ей не хватает смелости даже в выборе одежды.

Она прекрасно видит, как мужские взгляды лишь скользят по ней и задерживаются на изгибах тела Маризы. Николь считает себя слишком зажатой. Слишком полной. Слишком неуклюжей. Если верить ее матери, она просто недостаточно хороша.

Запрокинув голову, Николь допивает последний глоток martini и, едва ее бокал касается стола, поднимает руку, чтобы заказать еще один.

Мариза смеется.

— Ну и ну, ты сегодня времени не теряешь.

Николь делает вид, что ничего не слышала, и отворачивается в сторону музыкантов, которые еще не начали играть. Немного погодя она спрашивает Маризу, уверена ли та, что Жак появится сегодня вечером.

— Уверена. Все-таки это его лучший друг предложил мне прийти.

В это время бас-гитарист берет микрофон и объявляет, что они ждут еще одного участника группы, чтобы начать. Мариза коротко пожимает плечами, словно отмечая: «Видишь, я же тебе говорила, не о чем беспокоиться». Николь делает глоток из нового бокала с мартини — отчасти чтобы придать себе немного смелости, но главным образом чтобы показать Маризе и ее плечам, что она вовсе не волнуется.

Оставалось только ждать. Ждать Жака.

Николь встретила его шесть месяцев назад. Молодой человек делал ремонт в столовой их учебного заведения. Девушки обедали там каждый день. Всю неделю Николь не могла ничего проглотить, проводя обеденный перерыв, не сводя глаз с этого рабочего, который скоро закончит свое дело и исчезнет.

Но случай снова свел ее подругу Маризу с Жаком — на этот раз в обувном магазине, расположенном на нижнем этаже ее дома. Она немного знала Марка, сына хозяина лавки. Он тоже работал в магазине, и стоило отцу отвернуться, как Марк начинал отбивать указательными пальцами ритм на чем попало, в том числе и по мягкой коже мокасин. Он

уже ненавидел саму мысль об этом месте, но все еще думал, что он здесь временно. Мариза заметила Жака однажды вечером, когда возвращалась домой и, не задумываясь, толкнула дверь магазина. Она взялась примерять сандалии, которые были ей совершенно не по карману, и между делом узнала из разговора, что Марк с Жаком играют в одной музыкальной группе. Марк сказал ей: «В субботу вечером у нас первый концерт! Приходите, если хотите».

У Маризы был талант заводить разговор с незнакомыми людьми. Она могла заговорить с кем угодно, когда угодно, где угодно и на какую угодно тему. Не существовало практически ничего, на что она не могла бы отважиться, и эта свобода завораживала Николь.

— Все дело в твоём эго, — сказала ей однажды Мариза.

— Что ты несешь? — возразила Николь.

— Ты слишком боишься сказать какую-нибудь глупость, за которую тебя осудят. Мне же это совершенно безразлично. Меня не волнует мнение окружающих и что они могут подумать обо мне.

Николь пробормотала что-то вроде «чепуха», но не очень уверенно. В глубине души она знала, что объяснение вполне правдоподобно; она боялась выглядеть смешной.

Николь достает пудреницу, чтобы незаметно проверить, не размазалась ли помада.

— А! Вот и он! — шепчет ей Мариза, и Николь поспешно убирает зеркальце в сумку.

Жак занимает место в центре сцены с уверенностью последнего недостающего кусочка пазла. Он придвигается к микрофону, улыбается, несколько секунд оглядывает публику, а затем глубоким бархатным голосом произносит: «Добрый вечер». Через секунду он начинает играть.

— Ну и воображала! — смеется Мариза.

Но Николь ее не слушает. Она не сводит глаз с молодого парня, который поет «Был бы у меня молоток», песню Клода Франсуа, но в совершенно ином ритме, чем в оригинальной версии. Эта песня всегда действовала ей на нервы, но сегодня она вдруг показалась ей потрясающей.

Уже во время второй песни несколько столов отодвигают в сторону, чтобы освободить место для танцев. Мариза встает первой и начинает двигаться в такт музыке. Николь же снова пригубливает свой бокал. Она видит, что Жак смотрит на Маризу. Она видит, что все смотрят на Маризу, на ее руки, которые изгибаются над головой, скользят по волосам и нежно поглаживают шею. Это выглядит так чувственно, что Николь так и хочется отвести взгляд, но в этот момент подруга манит ее присоединиться. Сначала Николь качает головой, но затем, судорожно вздохнув, все-таки встает и направляется на танцплощадку. Ее движения далеко не такие плавные, как у Маризы, но за ней следуют другие танцоры, и вот уже небольшая, плотная группа людей начинает покачиваться под песню The Beatles. Через полчаса музыка стихает, и Жак объявляет пятнадцатиминутный перерыв, во время которого юный Лоик будет играть на аккордеоне.

— Пойду принесу нам чего-нибудь выпить! — бросает Мариза и исчезает в направлении бара.

На сцене появляется подросток, и постепенно все покидают танцпол. Николь немного жаль беднягу, но не может же она остаться здесь. Одна. Она ищет взглядом Маризу и замечает, что та сидит за стойкой бара и болтает с каким-то парнем. Она сразу же узнает Жака, его профиль, который она могла бы нарисовать с закрытыми глазами, так как видела его перед собой часами каждый вечер, прежде чем уснуть. Мариза запускает руку в свои волосы, и Николь знает ее достаточно хорошо, чтобы понять: она смущена. Жак поднимает свой бокал и предлагает Маризе выпить с ним. Его глаза блестят, а ресницы взлетают слишком часто, должно быть, в такт с сердцебиением. Николь смотрит на Жака, как ребенок на воздушный шарик, нитку которого только что упустил. Все, слишком поздно, ничего уже не поделаешь. До него больше не достать. Она не может отвести взгляда, ее глаза прикованы к этому силуэту, который становится все более размытым с каждой секундой оттого, что Николь забыла, как надо моргать. Она могла бы стоять так, пока не превратится в камень, но кто-то ее толкает, и она приходит в себя. Тут она замечает, что Марк, барабанщик, тоже пристально разглядывает ее, поднося бокал к губам. Когда их взгляды встречаются, он не отводит глаз. Он даже не пытается скрыть, что уже давно наблюдает за ней. Напротив, Марк поднимает свой бокал и издалека предлагает ей выпить. Николь чувствует, как к ее лицу подступает волна жара. Она по-

ворачивается к официанту, залпом допивает свой бокал и заказывает еще.

Через несколько минут, когда Марк снова садится за барабаны, он все так же не сводит с Николь глаз. А когда его барабанные палочки трижды стучат друг о друга, возвещая начало музыки, он даже подмигивает ей.

ЖАННА

Июль 1938

Жанна лежит в поле, зажав в губах свой крестильный медальон. Она закинула руки за голову и изо всех сил старается держать глаза открытыми. Июльское солнце нещадно клонит ее в сон. Чуть поодаль гуси роются в земле, как они делали каждое лето с тех пор, как Жанна стала достаточно взрослой, чтобы ей доверили их пасти. Голый после убранного недавно урожая участок принадлежит мэру, месяе Мазуае.

У Жанны под присмотром девятеро гусей, она всем им дала имена: Оливия, Офелия, Ольга, Одетта, Октавия, Отилия, Ориана, Ола и Одиль, ее любимица. Жанна сидела рядом с яйцом, когда Одиль вылупилась из скорлупы, и с тех пор гусыня считает ее своей мамой. Жанну, конечно же, отругали. Она ведь прекрасно знала, что не должна была находиться рядом с яйцами, что гуси привязываются к первому, кого видят при рождении. Конечно, знала. Поэтому сделала вид, что сожалеет о случившемся. Жанне нравилось думать, что Одиль любит ее так, как не может любить ее собственная мать, поглощенная домашними хлопотами и заботой о семье. Их было семеро. Семь вечно голодных ртов, включая саму Жанну.

Отец часто называл ее «пустушкой», и Жанна долгое время думала, что это прозвище как-то связано с тем, что она пасет гусей. Поэтому она постоянно всем так и говорила: «я — пустушка». Позже, когда ей объяснили, что это значит, она обиделась на отца. Но обида длилась недолго, потому что в тот день Жанна была уже далеко, а отец давно покоился в могиле.

Но это будет потом. А пока Жанна лежит на лужайке, в самом сердце небольшой деревушки, где она родилась. Сегодня ей исполняется четырнадцать лет, но вряд ли кто-нибудь поздравит ее с днем рождения. Для этого нужно вынырнуть из повседневных забот, отвлечься от грядок, ухода за животными и нищеты. Нужно увидеть в июле нечто иное, чем время уборки урожая. Нужно иногда поднимать глаза к небу ради его красоты, а не из опасения, что приближается гроза, которая может погубить посевы.

Жанна всегда умела восхищаться незримым и представлять себе невозможное. Она знала, что Бог — это художник с кистью. Нужно было только, чтобы Он обратил внимание на крохотный уголок созданного Им полотна, частью которого была и она. Пусть Он добавит одну точку, штрих, какую-нибудь мелочь. Неважно. То, что Он сам захочет. Жанна просто мечтала о чем-то новом, хотя и не знала, о чем именно. Вот что она загадала в тот день, лежа на участке мэра: чтобы что-нибудь произошло.

В конце дня, распахнув дверь своего дома, Жанна увидела на столе листок бумаги. Она с усилием разобрала буквы, составляющие заголовок: «Муниципальный указ». Жан-

на не очень хорошо читает. Конечно, она ходит в школу, но работа на ферме и уход за животными не позволяют ей быть прилежной ученицей.

К тому же шероховатая текстура настоящей жизни нравится ей больше, чем гладкость книжных страниц. Да и вообще, она девочка, и ей предназначено совсем другое. Но все же ей удастся прочитать: «Запрет выпаса гусей на пастбище и распоряжение об обязательном содержании их в загонах. Вступает в силу немедленно».

Она не сразу понимает, что это означает. Жанна кладет листок бумаги на место, где нашла его, и уже думает о чем-то другом. Но когда ее отец возвращается с полей, он ворчит.

Так всегда с богачами: чем больше у них есть, тем большего им хочется. Неужели с него убудет, с этого мэра, которому принадлежит половина земель в округе, если гуси подберут несколько зернышек со скошенного поля? Теперь им придется кормить птиц даже летом. Брать по горсти зерна с каждого мешка, который он отвозит в пекарню. Работа всегда падает на одни и те же плечи. Он наливает себе стакан фермерского вина — терпкого, красного, которое с трудом проглотить-то можно. Ну ладно, некогда расслаживаться, нужно идти за сеткой, чтобы защитить загон от лис и хорьков. «Не будем же мы держать этих несчастных птиц весь день запертыми в курятнике. Что за яйца будут у гусей, которые никогда не видели солнца? А ты... ты», — добавляет он, обращаясь к Жанне.

Вздыхнув, он встает, направляется к двери и, не взглянув больше на дочь, исчезает.

* * *

На следующий день Жанне поручают работу, которую она раньше никогда не выполняла. В частности, ей предстоит убирать в загоне для гусей, где птицы теперь будут проводить все свои дни. Потом она пойдет с матерью к фонтану стирать белье, затем ей нужно будет начистить картошки на ужин, а что будет дальше, она не знает. Она знает только, что дни бесконечны и всегда найдется чем заняться.

В конце недели она решает незаметно вывести Одиль на свежий воздух в поле возле рощи. Сегодня воскресенье, и ей еще нужно отнести мешки с пшеницей в пекарню, но она займется этим позже. В конце концов, это всего лишь мешки, они могут и подождать во дворе.

Жанна рада снова повидаться со своею любимицей, но, утомленная работой последних дней, она засыпает. Когда она просыпается, Одиль уже нет рядом. Девочка пересекает рощу, бежит вдоль трассы №78, выкрикивая имя своей гусыни, и спотыкается о кочку. Не успевает она подняться, как видит, что на нее с огромной скоростью несется почтовый грузовик, но она лишь замирает и закрывает глаза. Ей кажется, что все кончено, сейчас она умрет. Однако водитель жмет на тормоз, шины визжат об асфальт, и автомобиль останавливается в нескольких сантиметрах от нее, настолько близко, что можно ощутить тепло мотора. Сердце бьется с такой силой, будто хочет выскочить из груди. Машина трогается с места, а все происшествие длилось лишь несколько секунд. В этот миг из-за кустов

появляется Одиль. Но через минуту до слуха девочки доносится тот же звук тормозов. Только на этот раз вдали раздается ужасный грохот. Тогда Жанна хватается гусыню и, не раздумывая, бежит со всех ног к ферме.

В местной газете Le Courrier de Saône-et-Loire от 21 июля 1938 года можно было прочитать:

Заседание муниципального совета — Совет собрался под председательством мэра месье Мазуайе.

Почтовая служба по воскресеньям — После доклада месье Прото Совет почти единогласно принял решение сохранить статус-кво в отношении выходных дней почтальонов по воскресеньям.

Похоронные услуги — Совет постановил, что с 22 июля цена на обычные гробы увеличится на 20%; на цинковые гробы — на 10%; на свинцовые гробы — на 20%. Стоимость ручек также будет увеличена до 50 сантимов за штуку.

Содержание гусей — По решению мэра и вследствие жалоб на шум выпас гусей отныне запрещен на всей территории поселка. Этот муниципальный указ вступает в силу немедленно.

Находки — Кошелек, забытый в булочной Ружо, площадь Бон. Зажигалка, найденная месье Шарлем Бертом на улице Пастер, 16. Потерянные вещи можно восстановить по указанным адресам. Цепочка с медальо-

ном, найденная мадемуазель Мари Марешаль на трассе №78. Сдана в мэрию.

Арест — Полиция арестовала некоего Жермена Бурсье, 19 лет, заводского слесаря, за кражу нескольких мешков пшеницы, которые он спрятал в почтовом автомобиле, «одолженном» у отца своей невесты, мадемуазель Бонэн, в его выходной день. Угонщик сбежал, но, проехав несколько километров, врезался в витрину аптеки Бруссье. Жандармы подобрали его лежащим без сознания и доставили в участок. Злоумышленник быстро сознался в содеянном. Он планировал продать добычу, чтобы поправить свои финансовые дела.

Дорожная авария — В среду около 18 часов месье Тевенен упал на опасном перекрестке у поворота с трассы №78 на дорогу, ведущую в деревню Мармань. Он ехал на мопеде и вез два рулона сетки, которые, вероятно, и стали причиной потери им равновесия. Он ударился головой об асфальт и был в тяжелом состоянии доставлен на скорой в больницу. Жандармы из Монтсени прибыли на место происшествия для проведения расследования.

Жанна так и не пошла за своим медальоном, а украденные мешки с пшеницей так и не были возвращены. 22 июля ее отец умер, и семья погрузилась в еще большую нищету. Цены на гробы только что выросли, и даже смерть теперь была недоступной роскошью.

Жанну отправили в Париж, к двоюродной сестре, которая работала белошвейкой. Она умолчала о том, что знала. Она никому не раскрыла, что в газете от абзаца к абзацу выстраивалась цепочка событий, объясняющих причину смерти ее отца.

Потому что для этого ей пришлось бы признать, что она ослушалась. А также что она молила Бога, чтобы что-нибудь случилось. Тогда как мать всегда предостерегала ее: «Будь осторожна с желаниями, они всегда оборачиваются против тебя».

АЛЕКСАНДРА

Понедельник, 1 июля 2013

Жозефа зовут Жозеф, но все называют его Жожо, он это и любит, и ненавидит в равной степени. Он возмущается: «Зачем называть имя уменьшительным, если в нем столько же слогов, как и в полном? А еще иногда короткие имена удлинняют, а длинные укорачивают. А со средними вообще делают что попало».

— Ау, Алекс, я с тобой разговариваю.

— Да слышу я, слышу.

Алекс обожает Жозефа, но он слишком много говорит. У него есть мнение по любому поводу, это очень утомительно. Интересно, но утомительно. Она старается не слушать его, но у нее всегда была эта способность — слышать то, чего ей не надо слышать. Большинство людей называют ее Алекс, и она вовсе не против. На самом деле только мать упорно зовет ее Александрой.

После того странного звонка от нотариуса она позвонила Жожо. Предложила встретиться, не давая никаких объяснений, и тот согласился, не задавая вопросов. Возможно, именно поэтому они друзья. Он любит говорить, она предпочитает слушать.

— На днях захожу я в магазин и спрашиваю у продавщицы, есть ли у них такая же серая рубашка поло, но размера М, — начинает Жозеф. — Она быстро взглянула на рубашку, которую я ей показал, и ответила: «Боюсь, что нет».

Он делает паузу, прежде чем продолжить.

— То есть не просто «Нет», а «Боюсь, что нет». Тебе не кажется странным это выражение — «Боюсь, что нет»? В нем есть какая-то недосказанность. Но главное, что это значит — бояться, что нет? Иногда они боятся, что у них есть такая рубашка, а иногда, что нет, что ли? Почему люди вообще говорят: «Боюсь, что нет», Алекс? Кто придумал это выражение? Знаешь, что я слышу в нем? Я слышу: «Как вы могли такое предположить? Что за дикая идея! Может, вам фиалковую рубашку подавай, раз уж на то пошло? Идите домой, молодой человек, и не морочьте людям голову». Почему бы просто не сказать «нет»? Помню, когда я был ребенком, мой отец всегда говорил мне: «“Нет” — это уже законченное предложение».

— Забавно для того, кто так много говорит, — замечает она.

Жозеф долго смотрит на нее.

— Да ладно, как будто я открыла тебе что-то новое.

— Я не люблю тишину, — отвечает он.

— Ну да, знаю.

Алекс познакомилась с Жозефом в школе, когда тот только что переехал после развода родителей. Его мать ушла к мужчине, с которым познакомилась на чьем-то дне

рождения. Это была любовь с первого взгляда, положившая конец двадцатилетнему браку. Жозеф был младшим из троих сыновей и единственным, кто остался с ней. Его братья, которые уже учились в старших классах, предпочли интернат. Он оказался в доме, где царило молчание, вдали от своей прежней жизни, с матерью, которой не бывало допоздна почти каждый вечер. Его собственный голос в голове начал занимать все больше места. В восемь лет он открыл для себя реалити-шоу с Жаном-Эдуардом и Лоаной, и с тех пор в его мозгу то и дело стали всплывать фразы, начинающиеся со слов: «К вам обращается Голос»*. Жозеф считал себя немного сумасшедшим, но относился к этому довольно спокойно.

Друзья продолжают идти, пока не доходят до Люксембургского сада. Когда они входят в ворота, Алекс делает глубокий вздох и начинает:

— Мой отец умер, — произносит она.

— Да, я в курсе. Есть еще какие-нибудь сенсационные новости в этом роде? — отвечает он.

Она открывает рот, чтобы уточнить, что нет, тут другое, он умер *во второй раз*, но не издает ни звука. Смесь стыда, собственного непонимания и лени мешает ей объяснить ситуацию. На самом деле проблема в том, что она и не может ничего толком объяснить. Что это был за странный

* В начале 2000-х годов во Франции шло реалити-шоу Loft-Story. Закадровый голос начинал свои обращения в очень характерной манере и стал визитной карточкой передачи. — *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано иное.*

звонок? Может, это была шутка, думает она сейчас, хотя ни на секунду в это не верит.

Поскольку она молчит, Жозеф продолжает свой монолог. Он рассказывает о вчерашнем занятии по магии, на которое он ходит раз в неделю, потому что обожает фокусы. Он говорит, что магия — это «непонимание некоторых вещей», а ему становится легче, когда он думает, что в этом мире есть необъяснимые вещи. Это напоминает ему детство: «Слушай, Алекс, ну ты же помнишь, что раньше мы не задавались никакими вопросами? Нам казалось, что машины едут сами, вещи в шкафах появляются ниоткуда, а Луна то растет, то убывает, когда ей вздувается». Наверное, именно поэтому детство так похоже на сказку. В конце концов, какая разница между полными мусорными баками, которые вдруг оказываются пустыми, и привидениями?

— Э-э-э... не знаю, — отвечает она.

— Так вот, вчера Сольвейг зашла в ящик, а, честно говоря, я бы ни за что туда не полез, покуда всем управляет этот придурок Жерар, ну да ладно. Сольвейг вошла туда, потому что она добрая, она согласна принять на себя все беды мира, эта Сольвейг. Вот она и говорит «да» этому Жерару, хотя это ничтожество только и способно, что испытывать жадность, эгоизм и нетерпимость. Ладно. Продолжаю. В общем, неожиданно этому типу отлично удастся проделать весь трюк. Сольвейг исчезает с первого раза. Никто ничего не заметил, ни малейшего изъяна, совсем ничего. У меня вдруг возникло это ощущение, такое, знаешь, со-

вершенно нелепое, на долю секунды я подумал: «А что, если это правда»? Вдруг действительно можно заставить кого-то исчезнуть, а потом появиться снова? Честное слово. Жерар — идиот, даже не сомневайся. Но он сумел заставить меня на несколько миллисекунд поверить в то, что невозможное возможно, и за это я никогда не смогу в полной мере отблагодарить его.

Алекс думает, что иногда люди исчезают, а потом исчезают снова, не удосужившись появиться между двумя исчезновениями. Она хотела бы позвонить матери и попросить объяснений, но не была уверена, что это хорошая идея. Если все это правда, если ее отец и впрямь умер недавно, значит, мать обманывала ее. А какой правды можно ожидать от человека, который годами пытался ее скрыть?

НИКОЛЬ

Октябрь 1973

— Ты злишься на меня?

— Нет-нет, — отвечает Николь, поправляя браслет, чтобы тот был точно параллелен часам.

Мариза прекрасно знает, что два «нет» подряд означают «да». Одно «нет» — это «нет». А два «нет» — это «да». Это базовое правило женской дружбы.

После концерта Жак записал ее номер и однажды вечером позвонил ей. Они долго разговаривали, и перед тем, как повесить трубку, он как бы невзначай рассказал ей свое расписание на ближайшие недели, чтобы Мариза знала, где его найти. На следующий день они встретились на набережной Эпты, прогулялись и съели по блинчику.

— Если ты хочешь, чтобы я с ним больше не виделась, я так и сделаю.

Николь не отвечает. Она бросает взгляд на улицу, чтобы убедиться, что автобуса пока не видать, затем снова садится на скамейку.

Некоторые вопросы задают лишь для того, чтобы облегчить себе душу. Чтобы избавиться от чувства вины. Если бы

Мариза была настоящей подругой, она бы не спрашивала, а просто дала бы Жаку от ворот поворот.

Вот и всё.

С другой стороны, что она могла сказать? Разве парень принадлежит нам только потому, что мы увидели его на секунду раньше подруги? Или потому, что мы вслух произнесли: «Он мне нравится», а та держала эту информацию при себе?

Николь вздыхает. Просто история повторяется. Она была еще подростком, когда красавец Кристиан предпочел ее сестру Клодин, во время летних каникул в Аржелесе. Николь всю вторую неделю каникул провела не выходя из трейлера, не обращая внимания на мольбы матери. Та уговаривала ее всю неделю: «Ну выйди же наконец на свежий воздух!»

Все всегда предпочитали ей Клодин. С самого рождения сестры голубые бусинки ее глаз восхищали весь персонал больницы. Потом появились ямочки на щеках. Затем — светлые локоны. Веснушки. Губы-вишенки. Талия, ноги, грудь. Клодин в точности соответствовала всем канонам красоты. Ее никогда не называли просто Клодин. Всегда только «красавица Клодин». А Николь всегда была просто Николь.

И вот она снова подружилась с девушкой, которая была красивее ее. Можно подумать, что она делает это специально, что она сама выбирает для себя место в тени.

— Ну где же автобус? Разве он не должен был прийти в сорок минут? Мы так опоздаем.

— Вот и хорошо, что опоздаем, — отвечает Мариза.